

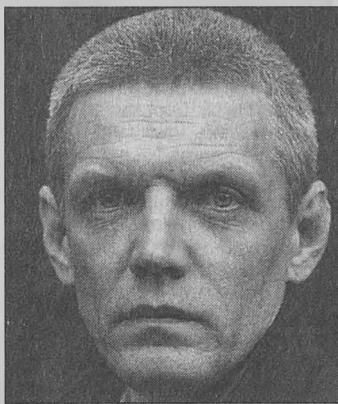
Тревожный вылет

Жизнь часто подбрасывает неожиданные сюжеты. Встреча, несколько слов, телефонный звонок могут мгновенно изменить жизненный ход, однако некоторые люди способны самостоятельно, без всякого внешнего давления поворачивать свою жизнь в нужном направлении. Александр Галибин – из их числа.

Не будет преувеличением сказать, что в восьмидесятые годы Галибина в нашей стране знал буквально каждый. И даже еще лет десять назад, при всей блестящей актерско-режиссерской карьере, на улицах его продолжали узнавать по-простому, как своего: "Гляди-гляди, Пашка-Америка пошел..." Роль "прилипла" надолго, сделав лицо узнаваемым, а имя известным. На Галибина нахлынула популярность вселенского рейда.

В какой-то момент он решил круто изменить свою жизнь: формальным поводом стал спектакль Анатолия Васильева "Серсо", ну а в жизни, думаю, сложилось множество иных внутренних причин, которые Галибин никогда не афишировал. В прошлом он оставил и Театр юношеского творчества, из которого, кстати, вышли многие петербургские люди театра, стоит вспомнить хотя бы Льва Додина, и Театральный институт (ЛГИТМИК имени Черкасова, класс Рубена Агамирзяна), и не очень успешную карьеру в Театре имени Комиссаржевской, и множество удачных ролей в кино. В 1988-м Александр Галибин уехал в Москву, поступил в "Школу драматического искусства", уйдя на три года в театральный "монастырь" Анатолия Васильева, чтобы, по его же собственным словам, "понять, как то, что Станиславский называл "жизнью духа", он являет на сцене".

Первая работа Галибина-режиссера в Петербурге прошла на ура: она была признана лучшим спектаклем сезона. Современная пьеса ("Ля фюньф ин дер люфт" Шипенко в Молодежном театре, 1993), "чернуха", мат-перемат и тут же – метафизические глубины и полифония театральных форм. Эта самая полифония стала одной из главных характеристик

А.Галибину – 50

галибинских спектаклей. В них было полно метафизики, находилось место неожиданности и не встречалось повторений. В "Трех сестрах" (Театр на Литейном, 1993) одну из сцен заменила фонограмма эпизода имени из романтического спектакля-мифа мхатовской постановки 1940-го: с нами разговаривали голоса будто с того света. В "Городском романсе" Угарова (Театр на Литейном, 1995) – напротив, все было более чем реально: актеры напрямую общались со зрителем, танцевали, просили закурить, выпить, валидол. В "Карамболе" Князева (Театр на Литейном, 1999) традиционный психологический театр стал вызывающе и архаичски бытовым – занывешочки в цветочек, дощатый пол.

А в конце 90-х, в общем истошном и суматошном поиске русской национальной идеи, Галибин со своей репутацией режиссера-экспериментатора сумел поставить в тогдашнем оплоте академизма, в Александринском театре, вполне авангардистский спектакль на заданную тему. "Сказание о царе Петре и убиенном сыне его Алексее" по "Детубийце" Горенштейна получилось полотном оперного стиля: остов корабля на сцене ассоциировался уже с самой Россией, чье движение в мировом потоке истории невозможно остановить, перелицевать или развернуть вспять. И вслед

за этим – Валерий Гергиев, находящийся в вечном поиске "свежей" оперной режиссуры, закономерно пригласил его на постановку в Мариинский театр. Результат превзошел все ожидания: "Пиковая дама" Чайковского (1998) оказалась в меру классической, очень красочной и отражающей мистический образ Петербурга.

А свой драматический спектакль "Ангажемент" Князева – Чехова в Александринском театре он поставил о том, что жизнь в измерении воображения порой становится реальнее жизни обыденной.

Александр Галибин принимает предложение возглавить новосибирский Театр "Глобус": А еще через три года, к сроку окончания "сибирского" контракта, получает приглашение Валерия Фокина, только что ставшего художественным руководителем Александринки, стать главным режиссером театра.

Контракт в минувшем августе закончился, и его, по обоюдному согласию, не продлили. "Режиссерское управление вполне сможет исполнять мои функции главного режиссера", – прокомментировал происходящее Галибин.

Зато в последние пять лет Галибин успел вернуться к актерской работе в кино:aleb Панфилов снял его в роли Николая II в фильме "Романовы. Венценосная семья", Кирилл Серебренников – в роли Громова в фильме "Рагин", а Владимир Бортко – в образе Мастера в "Мастере и Маргарите". Такие роли – мечта актера. Так что, несмотря ни на что, судьба ему явно благоволит: время будто повернулось вспять – и к актерским ролям в кино, и к популярности, и к рождению второй дочери.

В день галибинского юбилея, 27 сентября, именно на сцене первого в его жизни профессионального Театра имени Комиссаржевской была сыграна последняя по времени его работа, "Нора" Ибсена.

Екатерина ЕФРЕМОВА
Фото ИТАР-ТАСС

Князева – 2005. – 5 окт. – 199